

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-99-111

УДК 94

**НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРОЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ
КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич

Южно-Российский институт управления РАНХиГС

г. Ростов-на-Дону, Россия

ORCID ID: orcid.org/0000-0003-2264-8636

Kislizins@yandex.ru

КУЧИНСКИЙ Сарын Викторович

студент Южно-Российский институт управления РАНХиГС

г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается четыре проекта идеологии казачьего национализма в первой половине XX в. в контексте истории казачества на дореволюционном этапе, функционирования «Всевеликого Войска Донского» в период гражданской войны, формирования эмигрантского сообщества 1920–1930-х годов и появления казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной Войны. Как идеологическое течение казачий национализм образовался на Дону еще до революционных событий 1917 года на основе произведений казачьих историков, писателей, публицистов. Совокупность националистических идей казачьих патриотов была вызвана общим кризисом сословного строя, крушением Российской империи, последовавшим расказачиванием, уходом в эмиграцию части казачества и другими трагическими для казачества событиями. Главный идеолог и практик казачьего национализма атаман Краснов был отвергнут белоказачьим Войсковым Кругом в годы гражданской войны, а после Второй мировой войны был казнен в Москве за измену русскому народу. Ни на одном этапе развития российской государственности проекты казачьего национализма не получили логического завершения в форме казачьей политической партии и в принципе не были поддержаны широкими массами казачества, тем более всего российского народа, но признание этого факта не означает отказа от казачьей идентичности. Казачья идея как символ российского патриотизма имеет полное право на существование в современных условиях.

Ключевые слова: казаки, государство, казачий национализм, самостийники, «третий путь», антисемитизм, антикоммунизм, П.Н. Краснов

Для цитирования: Кислицын С.А., Кучинский С.В. Несостоявшиеся проекты идеологии казачьего национализма в первой половине XX века. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 2. с. 99-111
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-99-111

Original article

FAILED PROJECTS OF COSSACK NATIONALISM IDEOLOGY IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Sergey A. KISLITSIN

South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
ORCID ID: orcid.org/0000-0003-2264-8636
Kislizins@yandex.ru

Saryn V. KUCHINSKY,

South Russian Institute of Management Russian Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines four projects of the ideology of Cossack nationalism in the first half of the 20th century in the context of the history of the Cossacks at the pre-revolutionary stage, the functioning of the "All-Great Don Army" during the Civil War, the formation of the emigrant community of the 1920s-1930s, and the emergence of Cossack collaboration during the Great Patriotic War. As an ideological trend, Cossack nationalism was formed on the Don in the first half of the 20th century, even before the revolutionary events of 1917, based on the works of Cossack historians, writers, and publicists. The totality of the nationalist ideas of the Cossack patriots was caused by the general crisis of the class system, the collapse of the Russian Empire, the subsequent raskazachivanie, the emigration of part of the Cossacks and other tragic events for the Cossacks. The main ideologist and practitioner of Cossack nationalism, Ataman Krasnov, was rejected by the White Cossack Military Circle during the Civil War, and after the Second World War was executed in Moscow for treason to the Russian people. At no stage in the development of Russian statehood did the projects of Cossack nationalism receive a logical conclusion in the form of a Cossack political party and in principle were not supported by the broad masses of the Cossacks and, moreover, by the entire Russian people, but the recognition of this fact does not mean the rejection of the Cossack identity. The Cossack idea as a symbol of Russian patriotism has every right to exist in modern conditions.

Keywords: Cossacks, the state, Cossack nationalism, independent artists, the third way, anti-Semitism, anti-communism, P. N. Krasnov

For citation: Kislitsin S.A., Kuchinsky S.V. Failed projects of cossack nationalism ideology in the first half of the 20th century. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.2. PP. 99-111 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-99-111

Казачество представляет особый интерес не только в разрезе истории, но и этнографии, политики, так как его субэтнический статус до сих пор не всем очевиден и является предметом дискуссий в современном казачьем движении. Остро вопрос об идентичности казачества стоит для русских националистов, считающих казаков не просто неотрывной частью русской нации, но ее «лучшей частью», а несогласных с этой точкой зрения казаков обвиняют в «сепаратизме», «расколе русского народа» и в том, что казаки-националисты «не настоящие казаки». Исследования по данной проблеме проводили ряд историков: А.В. Венков, Ю.Д. Гражданов, Е.И. Дулимов, А.И. Козлов, Б.С. Корниенко, С.А. Кислицын, С.М. Маркедонов, Н.А. Мининков, О.В. Ратушняк, В.Н. Сергеев, А.П. Трут, Р.Г. Тикиджьян, А.Л. Худобородов, К.Н. Хохульников и др. В данной статье рассматривается процесс разработки проектов идеологии казачьего национализма доминирующими группами правой части казачьей интеллектуальной элиты.

Каждая политическая идеология на начальном этапе своего существования базируется на философском и культурном наследии прошлых поколений, которое является источником базовых принципов, идеалов, мифологии и символов. Казачий национализм не является исключением – его корни исходят из мифов конца XVII – XVIII вв., исторических сочинений донских историков XIX – начала XX в. и идеалистических воззрений на казачье общественно-политическое устройство в эпоху вольных республик – целого пласта материальной и нематериальной культуры казачества, обобщенного в рамках политической доктрины [1].

Казачья система ценностей как специфический самобытный феномен зародилась во времена казачьей квазиреспублики периода Азовского сидения, повстанческих движений С. Разина, К. Булавина, Ем. Пугачева, укоренилась в ментальности данной этносоциальной группы. Казакофилами были А.Г. Попов, Е.П. Савельев, А.П. Сахаров, Вс.А. Голубинцев, М.В. Пудавов – авторы трудов по истории казачества, в которых изложены основы мифов о необыкновенной древности происхождения донского казачества, его автохтонности и даже нерусских этнических корнях. Несмотря на наличие точек зрения В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, В.Д. Сухорукова, В.Б. Броневского, Д.М. Иловайского, именно данная концепция в своих основных чертах получила распространение и заложила основу для казачьего национализма.

Как идеологическое течение казачий национализм обозначился на Дону в первой половине XX в., еще до революционных событий 1917 года. Большинство левых и либеральных политических партий России в ходе революции 1905 года выступили за ликвидацию сословного строя, включая казачье сословие. Под влиянием революции казачья группа депутатов Государственной думы выступила против карательной службы по подавлению выступлений рабочих, крестьян и солдат. Донская казачья интеллигенция считала, что после ликвидации казачьего сословия казачество может существовать дальше в качестве этноса – «национальности».

У теоретиков казачьего национализма отсутствовали научные труды по казачьей идеологии, а ее формирование и одновременно пропаганда осуществлялись на страницах газет и журналов. 11 октября 1911 г., после раскола коллектива «Донских областных ведомостей» с Х.И. Поповым, на свет вышел первый номер «независимого общественно-военного» журнала «Голос казачества», ориентированного исключительно на казачество и его проблемы. Его главный редактор Холмский обосновывал необходимость его создания тем, что у казаков обязана быть собственная пресса, которая охраняла бы «его древнюю, самобытную исто-

рическую жизнь от непрощенных налетных печальников, видящих в уничтожении казачества и в обращении его в крестьян единственный исход из теперешнего, действительно тяжелого момента казачьей многовековой славной жизни» [2]. Журнал стал первым информационным ресурсом, в котором стала развиваться и пропагандироваться в среде грамотного населения идеология казачьего национализма, о чем было прямо высказано в одной из статей: «Да позволено будет пустить в оборот это новое слово. Язва, разъедающая современное нам, интеллигентное казачество, – буквально, та же, которою болеют и все почти русские интеллигенты-космополиты, тянущие ко всякой инородчине; это ложный стыд или нежелание быть самим собой» [3]. Из анализа этой статьи следует, что казаки-националисты в предреволюционное время отрицают свое сепаратистское устремление, «в котором недавно еще, вздумали, не без лукавства, обвинять “наши депутаты-кадеты” покойного Атамана Ф.Ф. Траубе за провозглашенный им в Войсковом Совещании экономический девиз “Дон – для донцов”» [3], однако ставят своей главной целью защиту интересов казачества всех войск, усиление национального самосознания и сохранение казачьих привилегий на землю и ресурсы по причине того, что «земля, добытая казаками и политая их кровью, должна переходить снова только к ним, а не к иногородним» [3]. Казаки-националисты агрессивно относятся к казакам левых и либеральных взглядов, объявив их «шайкой всевозможных леваков», которые, к стыду националистов, отреклись от природного национального духа, от своей крови, в пользу «чужих теорий» (имеется в виду космополитизм, социализм, либерализм). Высшей идеей объявляется служение славянству «мечем и умом», а также «завоевание для казачества почетного места в ряду культурных народностей, наряду с сохранением своей самобытности» [3]. Однако автор утверждает, что понятие «казачий национализм» тождественно понятию «казачьего демократизма», поскольку стремится к защите «своих», требованию уважения к казачеству со стороны иногородних и власти, вытеснению неказачьего элемента со всех сфер деятельности в войсках и заменой их на казаков. В совокупности с положительным отношением к действовавшим высшим институтам власти Российской империи можно говорить о наличии особой формы этнократии в казачьей идеологии.

Накануне выборов в IV Государственную думу в октябре 1912 г. на страницах «Голоса казачества» появилась идея особой «казачьей партии» [4]. В отношении религии и Думы ее сторонники придерживались программы правых думских партий, объявляя войну кадетам и беспартийным прогрессистам, требуя возвращения войску «всего, что было ему обещано Высочайшими грамотами» [5]. Конкуренты в сентябре 1912 г. зарегистрировали организацию «Донской союз националистов». Главный редактор «Донских областных ведомостей» Г.П. Янов, получивший в дальнейшем известность как председатель «Круга спасения Дона», при написании нового проекта донских националистов больше апеллировал к сословно-региональному патриотизму в рамках русского национализма и отводил казачеству статус военного сословия Российского государства: Донским националистам, вступившим в блок с духовенством, не удалось провести в депутаты Думы ни одного своего кандидата [6]. Однако он не смог получить необходимый весомый авторитет в массах, что подтверждается поражением на парламентских выборах 1912 г. К началу Первой мировой войны активность националистов сошла на нет [7].

Во время гражданской войны, после поражения Донской Советской республики, возникли белоказачьи республики «Всевеликое Войско Донское» (ВВД) и

Кубанская Народная Республика, воскресившие утраченный в начале XVIII в. суверенитет казачества, ВВД была признана оккупационными войсками Германии и режимом гетмана Скоропадского на Украине. 17 мая 1918 г. на заседании круга «Спасения Дона» были утверждены написанные новым войсковым атаманом Красновым новые основные законы Всевеликого Войска Донского. Эти законы декларировали новое образование как «самостоятельное государство, основанное на началах народоправства». Земельный закон Войска Донского, принятый Войсковым Кругом 1 июня 1919 года официально декларировал отчуждаемость крупных землевладений в пользу Войскового фонда с дальнейшим распределением между малоимущими слоями населения, но реализации дело не дошло. "Положение о выборах на Круг" 1918 года лишало права голоса категории лиц: "глухие, безумные, и состоящие под опекой" и сознательно предавшие Родину, изменники - участвовавшие в "красноармейских бандах против казаков". Идея социального равенства не была реализована в ВВД, более того, был организован массовый террор не только против большевиков, но и против рабочих (особенно шахтеров), иногородних и даже коренных крестьян, что вызвало усиление ненависти к казачеству этих слоев населения. Это усиливало узкословный характер ВВД. Несмотря на сохранение сословных формулировок, в законодательных документах ВВД казачество обозначается одной из «издревле живущих на Донской земле трех народностей» [7].

Казачья легенда о древности казачества приобрела значение государственной идеологии и преподавалась в учебных заведениях [8]. Проект государственной идеологии ВВД включал в себя образ «врагов казачества»: рабочих, иногородних крестьян, «инородцев», иноверцев, даже казачьих депутатов как «предателей» казачества. Ему противопоставлялся лозунг «Слава Богу мы казаки», как обладатели «исконных прав» на земли Дона, заслужившие привилегированный социальный статус своей многовековой службой России. Идеология казачьего национализма, несмотря на ее официальность и конституционность, не определяла всех стремлений и ценностей социально расколотого казачества. Ежеквартальник «Донская волна» в своих многочисленных публикациях специально не рассматривал казачью идеологию, а если упоминал ее, то вскользь. Авторы признавали, что боевая работа казачьих частей на Дону – «это не деятельность славных войск Корнилова, делавших Ледяной поход, это не победоносное шествие войск Деникина». Природа и характер казачьих частей и Добровольческой армии были принципиально различны. В отличие от «добровольцев», казаки были охвачены угаром революционных свобод. Даже когда они восстали против советской власти, они не освободились полностью от большевизма. Процесс «оздоровления» шел медленно, и «следы болезни» часто давали о себе знать во время борьбы [9].

Позиции казачьего национализма стал защищать казачий писатель Крюков, который прошел путь от либерализма и социализма до казачьего национализма. Он был в 1919 г. редактором газеты «Донские ведомости», где опубликовал более 30 ярких призывных статей и апологетических очерков о белом движении и казачестве. Он писал, что надо давать молодежи «традиционный боевой дух казачий, удаль, силу, беззаветную преданность к политой кровью дедов родимой землице». При этом писатель подчеркивал, что нельзя принижать роль Войскового круга, который «важен как знамя, вокруг которого сейчас группируется казачество, несущее сверхсильную ношу борьбы с расточителями несчастного Отечества». В газете были опубликованы и острые материалы, рассказывающие о красном террористическом расказачивании как о «диком торжище красного угара» «холопов и смердов».

В очерках Крюкова этого периода («Войсковой круг и Россия», «В гостях у товарища Миронова», «После красных гостей», «Усть-Медведицкий боевой участок») провозглашается мифическое историческое единство донского казачества, осуждаются антиофицерские настроения и нежелание казаков воевать за пределами родных станиц как «шкурничество». Газетная публицистика Крюкова демонстрирует жесткую ультрасословную позицию представителя именно вандейской части казачества без каких-либо внутренних колебаний, метаний, страданий, сомнений, шатаний и прочих рефлексий мелиховского типа. 4 марта 1920 г. ушел из жизни замечательный казачий писатель, доблестный патриот старого сословного Дона, а с ним почти вся старая донская казачья интеллигенция, символом которой он был [10]. Можно согласиться с тем, что проект казачьего национализма провалился в годы гражданской войны, в том числе среди прочего по причине своей этнократической подкладки [11]. ВВД не состоялось как полноценное и долговременное государство и потому, что время сословной организации ушло вместе монархией. На наш взгляд, ВВД не могло состояться как государство в принципе, так как время сословной государственности безвозвратно ушло вместе с феодализмом.

Окончание Гражданской войны в России привело к разрушению не только «былой России», но и новообразованных казачьих государств (Всевеликое Войско Донское, Кубанская Народная Республика, Оренбургское Казачье Войско, Забайкальская Казачья Республика), на месте которых возникла абсолютно новая политическая система в виде Советской России. Этот факт, а также дальнейшая планомерная политика коммунистов в отношении казаков, именуемая самим казачеством геноцидом, нанесла очень сильный удар, вызвавший у народа чувство боли и унижения, вследствие чего уже в эмиграции началась переоценка былых порядков и ценностей в новых реалиях. На воззрения казачьей интеллигенции повлияло усиление идей радикального этнического национализма по всей Европе, общий дух реваншизма и ирредентизма, вызванных неудовлетворенностью разных государств результатами Первой мировой войны и русской революции, стремлением к воссоединению собственных наций в рамках одного государства, а также примером обретения малыми народами независимости после краха империй. В отличие от казачьего национализма в предреволюционные годы, входившего в черносотенное движение и опиравшегося на русский монархизм, панславизм, казачий национализм «второй волны» исходил из доминанты независимого казачьего государства – Казакии, республиканства и консерватизма. Обосновавшиеся в Праге идеологи казачьего сепаратизма и отдельного народа – так называемого «казакийства» – продолжали развивать историческую концепцию Савельева [12].

Теоретическое оформление казачьего национализма произошло на страницах двух журналов, вокруг которых образовалось два крупнейших националистических объединения – «Вольное Казачество» и «Казачий Вестник»: «Вольно-Казачье Движение». Образованное в 1927 г. членом президиума Верховного Круга, генералом и историком И.Ф. Быкадоровым, членом Донского Войскового Круга и командиром казачьего корпуса, генерал-лейтенантом Т.М. Стариковым, членом Кубанской Рады и Верховного Круга И.А. Билым, есаулом М.Ф. Фроловым, полковником и инженером И.И. Колесовым, доктором И.П. Вифлянцевым и студентом В.Г. Глазковым, «Вольное казачье движение» провозгласило своей целью создание независимого федеративного государства «Казакия» на основе идеологии казачьего национализма. Позднее возникло «Казачье Национально-Освободитель-

ное Движение», образованное в Праге летом 1941 г. во главе с уже инженером В.Г. Глазковым.

Изначально концепция «Казаккии» расценивалась как автономия в рамках освобожденной от большевизма России – в эмиграции эту позицию, например, поддерживала линия демократов из «Казачьего Союза» [13], являющихся содружеством правительств Дона, Кубани и Терека в изгнании, почетным председателем которого был войсковой атаман ВВД А.П. Богаевский. Однако еще свежа память об иногородних на Дону и Кубани, массово выступивших против казачества и его привилегий, негативная и подозрительная реакция русской белой диаспоры на казачью самоорганизацию, не вписывающуюся в рамки податливого сословия (что с сожалением констатируют и автономисты в лице «Казачьего Союза» [14]), романтизация допетровской «вольницы» вызвала всплеск интереса к окончательной независимости не только от России, но и от русского народа.

«Казаккией» именовалась территория исторического компактного проживания казаков. Согласно проекту Конституции «Союзного Государства Казакия» [15], в ее состав должны войти «штаты» (Войска) Донское, Кубанское, Терское, Яицкое (Уральское), Астраханское, Оренбургское, а также Калмыцкая область на равных с Войсками правах. Таким образом, территория химерического государства располагалась на обширных территориях современных Юго-Востока Украины, Юга России, Северного Кавказа, Южного Урала и западных областей Казахстана, и, по мнению «самостийников» [16], она должна, вместе с Украиной, играть роль «стержня» в «огромном фронте поработенных народов» от Финляндии до Памира, благодаря своим размерам, географическому положению и наличию сил, чтобы «отстоять свою независимость от чьих бы то ни было поползновений». Таким образом, казаки-националисты в своих идеях видели проектируемое государство региональной державой в Восточной Европе, что роднит казаккиество с польской националистической идеологией прометеизма.

К концу 1920-х годов в казачьей националистической доктрине окончательно сложился образ России как государства, постоянно притесняющего вольное казачество и его интересы, ведь сожителство России и Казачьих республик было скорее насильственным, чем естественным [17]. Превращение казаков к концу XVIII в. в особое военно-служивое сословие расценивается продолжением антиказачьей политики Москвы, начатой при Петре I после окончательной ликвидации донского суверенитета и присоединения Войска Донского к Российской империи, а возрождение Донской Республики после 1917 года объясняется наличием «высокой степени национального самосознания и государственного понимания» казаков, стремящихся обособиться от общероссийской государственной власти [18].

Немалый вклад в идею оособности казачества внес И.Ф. Быкадоров, в сочинениях которого прослеживается мысль о существовании на Востоке Европы двух миров, государственно-политических организмов, кардинально противоположных друг другу: первый – это Московия, в которой «самодержавный царь со своим бесконечным, ничем не ограниченным произволом», «бояре и воеводы, льстивые и раболепные перед своим господином, но заносчивые, деспотические, самодурствующие перед ниже собою стоящими», «бесправное, нищее рабское крестьянство на положении домашнего животного», а второй – это Казакия, вольная республика со «свободной инициативой равноправных граждан» и «рыцарской, бранной жизнью» [19]; и Московия, в силу своей «рабско-деспотической» сущности, стремилась уничтожить Казакию, что у нее, как итог, получилось. «200 с лишком лет

тому назад закончилась борьба отмеченных выше двух начал. Сейчас в Европе определенно наметилась неизбежная и жестокая борьба тоже двух начал, совершенно непримиримых, взаимно друг друга исключаящих» [19], – пишет И.Ф. Быкадоров про противостояние Советского Союза с западным миром, проводя параллель с противоборством казаков с Москвой.

Русский народ, который в целом принял большевистскую революцию, по мнению казачьих националистов, именно в силу своей «рабской сущности» обретает клеймо «пришлого варварского оккупанта», который под предлогом справедливости и передела земли насильственным образом поработил казачьи земли, а «цветущие казачьи станицы и хутора превратили в приюты для русских мужиков» [20]. Таким образом, образ России и русских, описанный Крюковым как «варварских богоносных лапотников», а Быкадоровым – как «государства, основанного и существовавшего на рабовладении», есть пример образа национального врага, необходимого для политического мифа любой идеологии.

С.М. Маркедонов отметил, что лидеры «Вольноказачьего движения» обратились к изучению казачьей истории в эмиграции, потерпев неудачу в попытках создания самостоятельных государственных образований казаков. Революция, гражданская война, изгнание поставили перед ними, как и «перед всею Россией в целом и перед каждой ее частью, проблему самопознания. “Смысл” казачьей истории лидеры “Вольноказачьего движения” видели в утверждении казачьего национального “Я”. Исторические исследования участников “Вольноказачьего движения” ставили во главу угла формирование “казачьей национальной идеологии” и, по сути, были “политикой, обращенной в прошлое”» [21].

Несмотря на общее трагическое положение на чужбине, некоторые казаки-националисты (В. Глазков и др.) дистанцировались от русской эмиграции. Они считали, что русская эмиграция полностью состоит из бывшей элиты российского общества, для которой горечь состоит именно в утрате привилегий относительно собственного народа, тогда как казачья эмиграция является «народной эмиграцией, вышедшей из всех слоев казачьего народа, от рядового бойца до генерала, от хлебороба до профессора, от простого обывателя до интеллигента» [22]. Борьба белых с красными, по мнению В. Глазкова, носила сугубо классовый характер, тогда как вторжение Советов в «Казакую» имело цель «завоевать их, провозгласивших свою государственную самостоятельность» [22].

Как и в любой идеологии «третьего пути», казаки-националисты подчеркивали свою оппозицию по отношению не только к коммунизму, но и к капитализму. Экономическая система, ставящая личную наживу и «дух торгашества» как высшую ценность, не может существовать с «рыцарским духом» вольного казачества, а значит, враждебна ему. Показательна одна статья, где неизвестный автор провел параллель между капитализмом и коммунизмом, исходя из «жидовской» сущности обоих: именно их «общее стремление властвовать над всем человечеством и служит общим объединением капитализма с коммунизмом» [23], – констатировал автор. Различия же касаются изначально заложенных методов: капитализм стремится «закабалить» население экономически, а коммунизм – физически, безальтернативным захватом власти в свои руки.

Либерализм порицался Глазковым как идея, породившая порочные явления эпохи модерна – рационализм и материализм, из которых же, при дальнейшем развитии, произошли капитализм и коммунизм [24]. Уверовав в рационализм и антропоцентризм, человек «выхолостил свою душу, потерял всякое представление о морали», после чего все нравственные и традиционные устои

стали «ненужными пережитками прошлого». Как итог, человек превратился в «бездушного, беспринципного эгоиста», поклоняющегося «золотому тельцу», то есть ценности индивидуума стали превалировать над ценностями коллектива. Либеральная и марксистская идея непрерывного прогресса подвергается критике также потому, что она не принесла с собой ожидаемого роста духовной культуры, а, наоборот, только деградацию духа и социальное неравенство внутри нации. Критике подвергалась и партийная система, нивелировавшая роль народной воли и сведшая политику к «решению закулисных дел» и возвышению частного интереса над общественным [24].

Образ рыцарского казачьего народа, играющего, со слов В.Г. Глазкова, роль «европейского барьера против анархии и разрушений, двигавшихся с Востока» [25], является неотъемлемой частью казачьего национального мифа, активно используемого политическими идеологами. «Шляхетный рыцарский дух свободных от века веков людей» сумел противостоять расколу казачьего общества на дворян и селян, творимый царской политикой, который «не имел успеха» [26], в силу чего и сохраняет «свое единство», в том числе якобы и в целях. «Казакция» в силу своих размеров, численности населения, географического и экономического положения должна стать «стержневой» региональной державой.

В статьях казачьих националистов наблюдалось проявление общеевропейской идентичности и поддержки концепции Новой Европы (как следствие влияния германского национал-социализма), которая, в свою очередь, была идейным вдохновителем многих национальных движений Восточной Европы в рамках «третьего пути». В статье, посвященной «красной угрозе» со стороны СССР и англо-американских союзников, Е. Гетманов писал: «Мы, казаки, хотя и живем на Юго-Востоке Европы, все же считаем себя европейцами и последние годы связали свою судьбу навсегда с европейскими народами» [27]. Окончательное торжество национализма связывается с объединением всех европейских народов, в первую очередь казаков, вместе с Третьим Рейхом в общей борьбе против большевизма. «Мы идем с той современной Германией, национально-социалистические начала жизни которой так близки социальным началам нашей казачьей жизни» [28], – гласит одна из многочисленных речей казаков-националистов.

Большая часть казачьей эмиграции приветствовала агрессию Германии против СССР, хотя имела внутренние разногласия по вопросу судьбы России. Донские атаманы М.Н. Граббе, Е.И. Балабин провозгласили своим вождем Гитлера и призвали к успешному завершению «освободительного похода». Воссозданное «Казачье национально-освободительное движение» заклеило позором так называемых бело-большевиков – генерала Деникина и великих князей Романовых, которые выступили в поддержку своего Отечества в тяжелый для него период [29].

Среди казачьих атаманов был особо заметен казак-националист и фашист П.Н. Краснов. Он еще 1918 г. заключил союз с немецкими интервентами, подвергся остракизму в белом движении и был изгнан Войсковым Кругом из Новочеркасска. В эмиграции Краснов стал ярким сторонником агрессии против СССР. Личная ненависть к большевизму П.Н. Краснова затмила понимание им того факта, что будут убиты миллионы простых русских людей, а оставшиеся в живых русские попадут в рабство. Он открыто провозгласил: «Здравствуй, фюрер в Великой Германии, а мы – казаки на Тихом Дону!». В дальнейшем он участвовал в работе «Казачьего министерства восточных областей Германии». Ядро коллаборационист-

ских казачьих формирований, ставившее целью свержение советской власти, составляли «лица, начавшие борьбу с ней еще в годы гражданской войны, а затем пострадавшие от последующих репрессий», но их было меньшинство. В целом донское казачество оказалось преданным советской власти, Коммунистической партии. На наш взгляд, можно не сомневаться, что, если бы изменничество казаков носило действительно массовый характер, казачье население Дона и всего Юга России ждала бы после войны очень сложная судьба [30].

10 ноября за подписями Кейтеля и Розенберга была опубликована «Декларация германского правительства». В ней было следующее обращение к казакам: «...В воздание заслуг ваших на поле брани, в нынешнюю величайшую войну совершенных; в уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысячи лет принадлежащую; в сознании прав ваших на самобытность – считаем долгом утвердить за вами, казаки, и теми иногородними, которые с вами жили и доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.

2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.

3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных военными трудами, заслугами и кровью ваших предков.

4. Если бы военные обстоятельства временно не допустили бы вас на землю предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности. Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устройства Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы» [31]. Лидер казаков-предателей П.Н. Краснов немедленно и с восторгом прокомментировал: «...Услышал Господь молитвы наши!.. Пришло, чего ждали казаки!».

В конце мая 1945 г. в Главное управление «Смерш» были доставлены 20 руководителей белоказачества, проводивших активную борьбу против Красной армии и всего советского народа. По итогам судебных разбирательств все подсудимые были приговорены советским трибуналом в соответствии с требованиями Нюрнбергского трибунала к смертной казни через повешение. Приговор всем изменникам был приведен в исполнение в Лефортовской тюрьме 16 января 1947 г. [32].

С окончанием Второй мировой войны казачий национализм, будучи идеологией политической реакции и в силу близости с побежденным национал-социализмом, уже не мог существовать дальше в уже сформированном виде и с 1945 г. начал постепенно обретать рамки либерально-демократической идеи американского образца.

Таким образом, казачий национализм дореволюционного периода, несмотря на противоречивое отношение к вопросу демократизма, представляет собой правоконсервативную идеологию «третьего пути». Демократизм у казаков-националистов отрицал либеральную составляющую – народная воля выражается в «единстве казачества» и его национальных ценностей, интересов. Второй проект идеологии казачьего национализма заложен в написанных П.Н. Красновым основных законах Всевеликого Войска Донского. Однако казачье сословное государство не смогло противостоять интернационалистской советской власти и было ликвидировано в 1919 г. Для третьего эмигрантского проекта

казачьей идеологии, созданного обществом «Вольно-Казачье Движение», характерно представление казачества как древнего самобытного народа, никаким образом не относящегося к русской нации, а Россия является «врагом свободолюбивого казачества», противоположным по менталитету, духу и внутреннему устройству государством, оккупировавшим суверенные Войско Донское и Запорожскую Сечь в XVIII в.; Советская Россия является непосредственным преемником царской России, повторно оккупировавшим казачьи республики в 1920 г., исходя из чего война против СССР является не интервенцией, а «национально-освободительной войной» и «восстановлением законного суверенитета». Глазков, Быкадоров и прочие доказывали, что суверенитет «Казаккии» объясняется историческим правом казачества на те территории, которые оно завоевало и сохранило «кровью и оружием» за собой. Для четвертого проекта казачьего национализма, возрожденного П.Н. Красновым, характерны теории о семитском приспособлении либерализма и коммунизма под свои нужды в целях разрушения традиционного общества в Европе. Идея «Казаккии» в исполнении казачьих нацистов уже опирается на представление о казачестве как арийском народе, строящем вместе с немецкими нацистами Третий рейх. Все проекты идеологии казачьего национализма без исключения потерпели закономерный крах, но признание этого факта не означает отказа от казачьей идентичности. Казачья идея как символ российского патриотизма имеет полное право на существование в современных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Инж. В. Глазков. Казаккия и КНОД // Казачий Вестник. – № 5. – 1941. – С. 2.
2. Холмский С.А. Новочеркасск, 1 октября // Голос казачества. – 1911. – № 1. – С. 1.
3. А.Г. Казачий национализм // Голос казачества. – № 35. 29 июля.
4. Голос казачества. – 1912. – № 25. – 25 марта.
5. К выборам в 4-ю Государственную думу // Окраины России. – 1912. – № 21. 26 мая.
6. Корниенко Б.С. Казачий национализм на Дону: «группа Холмского» (начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2010. – № 5.
7. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1908–1914). – СПб., 2013. – С. 13.
8. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/19/potomki-ilinoya-i-skolopita-ideologiya-kazachego-nacionalizma>
9. Генерал Мамантов. Донская волна. – 1918. – № 10. – С. 2.
10. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов ... // Известия вузов. Северокавказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 65-72.
11. Битнер Д. Идеология казачьего национализма / URL: <https://cont.ws/@newspolitic/953028>
12. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/19/potomki-ilinoya-i-skolopita-ideologiya-kazachego-nacionalizma>
13. Программа Казачьего Союза // Вестник Казачьего Союза. – № 4. – 1926. – С. 15-16.
14. Ген.-лейт. Богаевский А.П. От Донского Атамана // Вестник Казачьего Союза. – № 4. – 1926. – С. 7-8.
15. Основные законы Казачьей республики. Союзная Конституция Казаккии (проект) // Вольное Казачество. – № 261. – 1939. – С. 2.

16. И. Билый. Еще к горскому вопросу // Вольное Казачество. – 1930. – № 51-52. – С. 9.
17. Инженер Глазков В.Г. Крах наших москвофилов // Казачий Вестник. – 1943. – № 5 (36). – С. 2.
18. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917): исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Издание донской исторической комиссии. – 1924. – С. 2-3.
19. Ис. Быкадоров. Неизбежное столкновение // Вольное Казачество. – 1930. – № 61-62. – С. 9.
20. Крюков П.Ф. К донским казакам-националистам // Былая слава Казаков! Сборник рассказов и очерков, стихов и поэм / Сост. Хохульников К.Н./ Некоммерческий фонд «Казачье зарубежье». – Ростов н/Д, 2005. – С. 105.
21. Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») / URL: <http://www.cossackdom.com/>
22. Инж. В. Глазков. Ясные факты // Казачий Вестник. – Ростов н/Д. – 1942. – № 2 (8). – С. 1.
23. И. Л-ов. Что объединяет капитализм с коммунизмом? // Казачий Вестник. – 1943. – № 36. – С. 4.
24. Войск. старшина К. Кирсанов. О либерализме // Казачий Вестник. – 1944. – № 19 (76), № 20 (77). – С. 1-2, 2.
25. Инженер Глазков В.Г. От руководителя КНД // Казачий Вестник. – 1944. – №16 (73). – С. 1.
26. Полковник Д-р Федоров С. Черты казачьего характера // Казачий Вестник. – 1944. – № 2 (59). – С. 3.
27. Сотник Гетманов Е. Цветики // Казачий Вестник. – 1944. – № 15 (72). – С. 1.
28. Инж. А. Гусельщиков. Выдержки из речи, произнесенной на казачьем собрании 9 авг. с. г. // Казачий Вестник. – 1941. – № 3. – С. 5.
29. См.: Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. – М.: Яуза, 2005.
30. См. подробно: Кислицын С.А. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. – М., 2015.
31. На казачьем посту. – 1943. – № 14. – С. 2.
32. Смирнов А.А. Казачьи атаманы. – М.: Олма-пресс, 2002.

Информация об авторах: Кислицын Сергей Алексеевич, профессор кафедры политологии и этнополитики, доктор исторических наук, Южно-Российский институт управления РАНХиГС,
orcid.org/0000-0003-2264-8636
г. Ростов-на-Дону, Россия
Kislizins@yandex.ru

Кучинский Сарын Викторович, студент Южно-Российский институт управления РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, Member of Russian Association of political science, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Saryn V. Kuchinsky, student of the South Russian Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 18.003.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.04.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests